

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

35

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1962

И. Попович

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

I. Сербско-хорватское *кућа*, болгарское *къща* 'дом'

Сербско-хорватское *кућа*, болгарское *къща* возводят обычно к праславянскому *kptati* 'покрывать, скрывать'. Э. Бернекер приводит из болгарского языка: «къштата ѱзем... стая за кътане няштата за облякло и няштата за ястиво и вариво» и сопоставляет *kpt'a* с балто-германским типом без носового: лит. *kūtis* 'Stall', лтш. *kūts* 'Viehstall', др.-в.-нем. *hutta* 'Hütte' (BEW, 603).

Во всяком случае, с праславянским *kpt'a* нужно считаться (ср. ниже). Однако корень *kat-* является еще дославянским, доиндоевропейским достоянием; его можно найти (без носового элемента) во многих европейских и африканских языках: ср. лат. *casa* (*kat iā) 'дом', фин. *kattā* 'corpire', *katto* 'tetto', кит. *katā* 'corpire', ассир. *katā-mu* 'id.'; фин. *kota* 'casa, tenda', *koto*, *koti* 'abitazione', андаман. 9 *kāt* 'sapanna', банту *-kota*, *-koto*, 'recinto, siepe', маньчж. *xoto-n* 'cittā, mugo', *kota-n* 'villaggio' и т. п. (Trombetti, 34); К. Оштир связывает и лат. *casa* со слав. *chysъ/chызъ* и герм. **xūs-* (Ostir, 99, 119; об этимологии *casa* ср. еще Meillet. *Esquisse*, 102).

Вероятно, *chызъ* и т. д., а также *котсь* и т. п. сохраняют первоначальный тип, без назализации, а в случаях *kpt'a* — *kptati* назализация вторичная и «неорганическая», экспрессивного происхождения, что хорошо показал для ряда случаев Ф. Ливер. Подобные процессы он допускает и для домостроительной терминологии (Liewehr, 11 и след.; ср. *gordъ/zordъ* там же, на стр. 22).

Во всяком случае мы исходим здесь уже из праславянской вторичной назализации, т. е. из праславянского *kpt'a* (ср. Черных, 79—80).

Южнославянский материал: серб.-хорв. *кућа* (о распространении см. ниже), ст.-сл. *къшта* (Miklosich, 329), словен. *kōča*, австр.-нем. *gantsche* < *kōča или *kōča* (Štrekelj, см. *gantsche*), др.-венг. *kútya* < *күћа* (Moór. *Ortsnamen*, 14).

Севернославянский материал: прежде всего укр. *кўча* (Гринченко; Жилко, 118, 121, 146); русск. мп. ч. *кўчки* (Даль; REW, Bd I, 709). Из старославянского заимствовано русск. *кўща* (и дериваты: ср. те же самые источники), из восточнославянского заимствовано в.-слвц., морав. и польск. *кучка*, *kuczka*. Правда, в западнославянских, кроме того, можно встретить и **kpt-* без суффикса *-iā-*, что говорит как раз в пользу связи с *kptati*. Ср. полаб. *kōtk'e*(?) 'Stube' (Rost, 393), польск. *kpt* 'mieszkanie' (Karłowicz, t. II, 331), словен. диал. (аблаут?) *kēta* 'eine aus Flechtwerk und Lehm gemachte Winzerhütte', кашуб. *kōta* 'buda, chata(?)'; ср., впрочем, что говорит о русск. *кут* и *куть* Даль (Даль, т. I, 231—232). Остановившись на этимологии и праславянском характере типа *kpt'a*, перейдем к вопросам его истории в сербско-хорватском и болгарском языках.

Праславянским стандартным названием для *domus* 'жилое строение' было слово *domъ*. Об этом свидетельствует как материал различных севернославянских языков, так и старославянский. Ср. русск. *дом* 'строение для житья', в городе 'жилое строение, хоромы', в деревне 'изба со всеми ухажками и хозяйством' (Даль)¹; укр. *дім* (с производными *дім'ок*, *дбмик*, *дом'ок*, *дбмичок*, *дом'очок* и др.; ср. «Мав собі домочок и садок» и др., Гринченко); блр. *дом* = русск. *дом*, укр. *дім* (Ломтев, 10); чеш. *dům* 'budova, stavení' («Nezbývá nic než abyч vzal možnu a hůl a šel od domu k domu žebrat»), слвц. *dom* = чеш. *dům* (Kálal, 102), слвц. *dômck*, *domčok* = чеш. *doměk*, *doměček*, слвц. *domsko*, *domcvisko* = чеш. *nehzky důmov*, *velký dům*; польск. *dom* 'budynek mieszkalny' (d. trzypiętrowy, parterowy и т. д.), диал. *dom* *drowniany* («Piotr mieszka w domu, a Paweł w murze» — kamienicy). На польско-словацкой территории в Карпатах чеш. *dům* соответствует польск. диал. *dům*, *dóm*, *dóm*, слвц. диал. *dom*; в Спише — колебание *dům* || *xatura* (Vážný, 91); кашуб. *dóm* (*doměck*, *domk*), польск. *dom*, словин. *dóm* (дериваты *dómek* и т. д.) 'Haus' и др.²

В южнославянских языках *domъ* не имеет теперь названного значения. В RJA о сербско-хорватском *дом* говорится: «дом, но не как постройка..., а как какое-то место, где человек живет с близкими» (RJA, t. II, 613), т. е. 'domicilium'; а в косовском говоре сербско-хорватского языка *дбм*, как указывает Гл. Элезович, «обычное слово, обозначающее нечто лучшее, чем дом». Элезович дает ряд примеров: «Нёкад је то била кућа и дбм; «Ни од рѡда, ни од дѡма» (здесь уже 'семья'. — И. П.). В болгарском *дом* в значении 'domus', очевидно, русское заимствование. Геров указывает следующее значение болг. *дом*: 1. «кѣща, русск. дом»; (Геров, т. I, 333), а новый «Български тълковен речник» дает первое значение: «сграда или апартамент за жилище на отделно семейство», однако из приведенного там примера: «Располагам се като у дома си» (БТР, 137) очевидно, что здесь нужно говорить не о конкретном значении 'domus', но о переносном 'domicilium'. Словенский язык также не знает *domъ* в основном значении; Плетершник дает очень точное значение для *dóm* 'das Heim, die Heimstätte', оно подтверждается и его примерами. Точно такое же значение можно было бы указать и для слова *дом* в современном литературном сербско-хорватском языке.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что южнославянские языки утратили общеславянское *domъ* в значении 'жилое строение'. Чем же южные славяне заменили *domъ*?

Сербско-хорватские штокавцы и болгары заменили *domъ* (в названном значении) словом *кѡт'а*.

¹ Однако нельзя утверждать, что *дом* 'жилое строение в целом' имеет наиболее широкое значение, является универсальным в русских говорах: *дом* в указанном значении употребляется только в части русских говоров. Во многих же русских говорах деревенский дом называется *избой* — на севере и на юге; на юге, как и в украинском, есть и *xата* 'жилой крестьянский дом' (Кузнецов, 108). Тем не менее нельзя сомневаться в народном характере и широком распространении русского, белорусского *дом*, украинского *дім*, точно так же не может быть и речи о каком бы то ни было заимствовании *domъ*, например, из латинского *domus* или греческого *δῶμος*, потому что и его склонение (й-основа) свидетельствует о его исконности в праславянском языке.

² Иногда все же в этой функции выступают в севернославянских языках и другие типы. Ср. вышесказанное о русском *избá*; русск., укр. *xата* (русс. диал. костромск., тверск. *дом* 'гроб'); затем *chatura* в Моравии (Bartoš, t. I, 14), польск. *chata* 'dom wieśniaczy', укр. *курінь* 'вообще жилище' и др.; но в данной статье коснуться всего этого не смогу.

Первоначально *kqt'a* не имело значения 'domus'; *kqt'a* имело более общее значение примитивного жилища, возможно, 'землянка' (ср. русск. дом 'гроб'), хотя точное значение здесь от нас ускользает (ср. Janko, 88-89). Об этом первоначальном значении свидетельствуют различные факты.

а) Материал севернославянских языков: ср. укр. *кўча* 'клеть для птиц; хлев для свиней' (Гринченко), приміщення для свиней, хлів для свиней' (Жилко, 118, 121), однако Жилко добавляет: «Убогу хату в частині [бойковско-среднезакарпатских] говірок звали *кўча*, в інших говірках — це хлів для свиней...» (Жилко, 146); русск. (из ст.-сл.) *кўща* 'сень, скиния, шатер, намет, палатка, ставка, шалаш, балаган, курень, навес, беседка, хижина; временная лачуга в лесу' и русск. диал. *кўщи* (параллельно нар. *кўчки*) обозначает «скидовский вешний праздник в память странствия с Моисеем; все выбирают из домов в шалашах, кўщи» (Даль, т. II, 229; подчеркнуто мной. — И. П.). Из этого последнего хорошо видна разница *domъ*: *kqt'a*; первое — постоянный дом для жилья, второе — импровизированная постройка. Ср. и русск. арханг. *кўщица* (*ш* < *ч* или < *щ*?) 'землянка, временно жилища пещера или крытая яма' и т. п. Это касается и западнославянских заимствований из восточнославянских языков; чеш. диал. *kuša* 'lehká letní chýše pro pastevce, koliba, chatrč, chajda'; *kuša* в исконном значении 'domus' бытует у чехов как сербизм и употребляется лишь в контексте, имеющем отношение к чему-нибудь сербскому: «v serbocharvátském prostředí vůbec název domu, přibytku»: «Přijde (črnohorec) počnůho času před kuču Turčina, kterého si pro svou pušku vyhlídl».

б) Материал южнославянских языков. У словенцев: *kŕča* 'die Bauernhütte, ärmliche Wohnhütte', *kočanjek* 'eine elende Bauernhütte', *kočar* '2. der Nomade', *kočāra* 'schlechte Bauernhütte', *kočāriti* 'in einer ärmlichen Bauernhütte leben; kümmerlich leben, elendlich sich durchbringen', *kočūr* '1. elende Wohnhütte; 2. диал. oddelek za teleta v hlevu' и т. д. Ср. и словен. диал. *koč* муж. р. 'ein mit Brettern abgesonderter Raum (z. B. im Stalle, für ein Kalb, für ein Mastvieh); 'der Schafstall; eine Nothütte'. Те же значения у австр. *gantsche* 'хижина' (см. выше)³. Иначе в старославянском: ср. ст.-сл. не имамъ кѣшта ни домоу, при этом кѣшта соответствует греч. σκηνή, а домъ — греч. οἶκος, οἰκία (Miklosich, 171, 330; REW, 603); стандартный перевод греческого οἶκος, οἰκία в старославянских текстах — домъ, а не кѣшта (Jagić, 340). Наконец, и сербско-хорв. *kuša* и болг. *кѣща* до некоторой степени сохранили архаичное значение. Правда, в древних сербских и хорватских текстах проследить это с достаточной достоверностью нельзя: кѣшта (XIII в.) в значении 'хижина' может быть и под влиянием церковного языка; один не совсем ясный пример той же эпохи (правда, из светского текста) дает, как будто, значение 'торговый дом': и ѡунили бѣхѹ которане кѣштѣ коштани на тръжиштѣ... а нинде да се не цѣди воскъ ни да се постави дрѹга кѣшта ѡ всѣмъ градѣ (RJA, t. V, 724); интересно отметить, что в словаре Вука Караджича для слова *кўша* находим еще и значение 'кухня, Küche, culina'. Это последнее значение хорошо подтверждает, впрочем, и болгарский язык. Геров как второе значение *кѣща* дает (без локализации) 'стая в кѣща дето е огнището'; ср. и *кѣши'та* '2. стая' — хасков. (Христов, 231), *кѣшта*

³ С. Пирхеггер выводит австрийские топонимы *Gentschach* (*kaintšə*), 1494 *Gontschach* из словенского *končān* «der am Sude eines Dorfes Wohnende», loc. pl. *копъ-ѣачъ: *копъсь* (Pirchegger, 39), однако здесь можно было бы указать и на *gantsche* < *kŕča.

‘помещение с огнище в жилището’ — около Варны (Стойков, Костов, 360); далее у болгар на территории СССР: *кѣшта* ‘2. комната’ (Швецова, 91), *кѣшта* ‘комната’ (не основное значение, ср. Бунина, 29). Ср. из хасковско-го говора: «Ф аниѣта, кѣшта идѣм, пѣ в другѣта с’пим» (Христов); из болгарского говора в СССР: «свѣтуфт’а ф другѣта кѣшта садѣт’ул’ѣјѣт дур н’и мрѣкн’и» ‘сваты сидят в другой комнате и гуляют, пока не смеркнется’ (Бунина). Некоторый переход от значения ‘domus’ к значению ‘маленький дом, комнатка’, возможно, найдем и в сербском языке: в косовском говоре *кућа* означает «зграда у којој се станује, у којој се кува јело, пече хлеб, где је огњиште» (Елезовић, I, 347-348).

Как мы могли видеть, *кѣта* первоначально имело более общее значение; это значение сохранилось, с одной стороны, в севернославянских языках (русский и украинский), с другой — в древних пластах южнославянских языков (старославянский), а также на западной окраине славянского мира (словенский язык) и в качестве неосновного значения (как архаизм) у сербов и болгар.

В то же время *кућа*, *кѣца* у сербов и болгар развили новое, главное значение ‘domus’, вытеснив праслав. *domъ*. Принимая во внимание, что серб.-хорв. *кућа*, болг. *кѣца* ‘domus’ теперь является достоянием литературного языка и что исследования по лингвистической географии в Югославии и Болгарии проводились в прошлом (а часто и теперь ведутся) устарелыми методами, очень трудно в существующей литературе по диалектологии найти местное подтверждение для *кућа/кѣца* и еще с определенным семантическим оттенком. Можно все же сказать, что это обычное слово для сербско-хорватского, а также для болгарского языка: ср. серб.-хорв. *кућа* не только во всех словарях, но и местное: *кућа* в Воеводине (только так, по моим материалам); в Белграде; в Косове (см. выше); в Славонии (Ivšić, 169 и след.); в Боснии (Rešetar, 182); в Черногории; в Дубровнике (Rešetar), в областях Хорватии (Rešetar, 237, 245), одним словом, на всей штокавской территории. Что касается болгарского языка, ср. (в значении ‘domus’) лит. болг. *кѣца* ‘1. сграда, постройка, в която живеят хора’, то же самое и в городе (‘двуетажна кѣца’) (БТР), далее диал. *кашта* ‘domus’ — Дупнишко (Цонев, 31), *кѣшта* — зап. Болгария («В тоя край има два вида кѣщи: в земята, наречени ижи, и върху земята, наречени кѣшти — Маринов, 294—295), *кѣшта* — Вратца («Годѣ ти са тая кѣпта, ама немаш пари да гѣя купиш», см. Бешовишки, 194), *кѣшта* — Белослатинско (Попов, 120), *кѣшта/кѣшта* — Самоковско (Стойков, Костов, 265), *кѣшта* — Смолянско (Кабасанов, 16), *кѣштъ* ‘domus’ — В. Търновско (Гъбюв, 220), *кѣца* около Бургаса и т. п. (Милетич, 63 и след.), *кѣш’та* ‘кѣца’ — Хасковско (Христов, 231). Короче говоря, *кѣта* ‘domus’ охватывает почти всю современную Болгарию.

Этого сербско-штокавско-болгарского образца придерживается и часть хорватских чакавцев; согласно данным, которыми располагает современная наука, такого образца придерживаются на далматинских островах: ср. на о. Хвар *кѣѣа* (*кѣѣ’а*) (Hraste, 26), на Премуди топоним *Кѣѣѣѣ* (Skok, 92); далее и в северночакавских говорах, материковых и островных: на Суске *кѣѣа* (Hamm, Hraste, Guberina, 164), на Цресе (Tentor), в Цовом (Белич. Заметки, 43). Такая же форма имеется и у истрийских чакавцев в центральной части полуострова и частично на Кварнере, затем у штокавцев на крайнем юге Истрии, близ г. Пула⁴: *куѣа*, *куѣ’а* (Popović. Elementi, 67).

⁴ Об этих штокавцах я писал в работе «Istarski štokavski dijalekat» («Riječka revija», V, стр. 88—92).

Наконец, что касается Македонии, то и там есть *kot'a*; однако здесь нужно отметить, что во всей Македонии — до Эгейского моря и Салоник — бытует форма *куж'а*, имеющая сербскую огласовку, что не должно нас удивлять, если учитывать семантику слова и средневековую экспансию сербского феодального государства. Ср. не только лит. макед. *кука* 'дом', но и в диалектах: *кук'а* — Поречье (Видоески, 22), *кѹкѹа* (*кѹк'а*), уменьшительное *кѹкѹинче* — Велес (Геров. Дополнение, 182), далее на территории Греции *куїкѹа* (*кѹїк'а*) 'дом' — Воденско-Ениджевардарско, Солунско (Матов, 22). В песне (неврокопский говор) чередуются два типа: закономерное местное *кѹшта* (в повествовании) и заимствованное сербское *кѹк'а* (*кѹкѹа*) в рефрене:

Рáдвaи са, стопáне вéсели са кѹкѹo!
 Лoпeнe са чѹлo в Бoїкoвaтa кѹштa,
 Лoпeнe са чѹлo нoштѹá нa тaвáньa,
 Сoн e видѹлa Бoїкoвaтa штѹрка... и т. д.
 (В. Пасков. Стопанова гозба. СБНУ, кн. XIV, 1897,
 стр. 186, 187).

Ср. еще в костурском говоре закономерную форму *кѹшча* (Кузов, 98); нужно ли здесь обращаться к топониму *Кoштeрaк* = греч. Κωσταρίσι = тур. *Kostaraca*, неясно (Vasmer. Slaven, 192); греческий топоним *Κοβήχιρῆ* никак нельзя сопоставлять с *кућа* по образованию (Указ. соч., 321); тщетным оказались попытки Лаврова и Белича открыть в греческих топонимах *Κρλοκοβήχι* и *Χοβυδοκοβήχι* это сербское слово: эти топонимы, бесспорно, албанского происхождения (ср. Vasmer. Slaven, 321).

Таково распространение типа *кућа/кѹца* в значении 'domus' на южнославянской почве.

На крайнем западе южнославянской территории, в центральной (материковой) Далмации и центре Балканского полуострова (там, где штокавские говоры граничат с болгарским языком) находим другой тип, вернее, два родственных типа.

Первый представляет собой вариант словен. *hiša* 'das Haus', который свойствен литературному языку словенцев, а также и словенским периферийным говорам в Италии: *hischa* 'casa' (Matičeto, 84); можно найти этот тип и у истрийских кайкавцев в форме *hiša/šiša* (Ribarić, 151).

Другим вариантом является *chyža* со звонким *-ž-*; связь ее с формой *chyša*, разумеется, весьма отдаленная (Kiparsky, 179—180).

Последний вариант находим в словенских говорах, которые примыкают к сербско-хорватской области: в юго-восточной Штаерской области и у словенцев на венгерской территории: *hiža*; точно так же говорят и в столице Хорватии: ср. хорв. кайкав. *hiža* (RJA), *hižura* 'slaba hiša', уменьшит. *hižurka* (Pleteršnik).

Далее *hiža* 'дом' — обычный тип истрийских штокавских говоров (говоры переселенцев с далматинского побережья) — проник кое-где и в сильно штокавизированные чакавские говоры на истрийском Кресе и частью на Кварнере (Tentor). Употребляется и в материковой Далмации (Popović. Elementi, 67; Ribarić, 151).

Третья зона типа *chyža*, как я уже упомянул, — Шоплук, т. е. восточная Сербия и западная Болгария. Правда, А. Беличу здесь часто попадалось *кућа* (Белић. Дијалекти, 146, 175, 178 и т. д.); однако это, очевидно, заимствование из литературного сербского языка, хотя бы на какой-то части этой территории, потому что в значении лит. серб. *кућа* здесь выступает *ѡжа*, как, по-видимому, на всей юго-

славской территории Шоплука (см. Белић. Дијалекти, 206, 328, 348, 349, 664). Точно такая же картина и в западноболгарских (шопских) говорах, где *хижа* (и *ижа*. — И. П.) обозначает 'domus' вообще; А. Т. Балав ввел слово *хижа*, взятое из этих говоров, в литературный болгарский язык, но в значении спортивно-туристического термина «специална постройка — къща, дом в планина» (Български език, 404, 405). Интересно, что в довольно архаичном говоре сербов-крашован на юго-западе Румынии имеется тип *ижа*, абсолютно совпадающий по значению с румынским *casă*, т. е. 'domus' (Petrovici, 108), хотя указанный говор в настоящее время отделен от сербско-болгарской шопской территории новыми сербскими говорами моравского типа, где сейчас есть только тип *кућа*. Материал, которым я располагаю, не вносит ясности в вопрос — может ли *хижа*, *ижа* в некоторых западноболгарских говорах иметь значение 'специальный дом' т. е. употребляется ли здесь и *кук'а*, *къшта*, *кашта* и под. наряду с обозначенными выше типами. В дифференциальном словаре Н. Мирковича для болгарского *хижа* дается сербский перевод «1. колиба, изба; 2. планинска кућа, планински дом» (стр. 151), Геров дает для *хижа* значения «малка селска къща, почасто в земята; къща узем—руск. хижина, хата» (Геров, т. III, 516), в БТР (стр. 922) дано следующее объяснение для *хижа*: «1. сграда в ненаселено планинско място за подслон на туристи; 2. селска къща; дом, жилище, колиба» («В ужас и трепет сниши се всяка хижа и дом», стр. 922), а Маринов дает для *ижа* значение «къща, изкопана и направена и земята» («всякоя ижа има: грѣвица, къща и стаи», стр. 279-280). Итак, возможно, что кое-где на шопской территории *хижа*, *ижа* обозначает 'землянка' или 'лачуга' и т. п., однако крашованский материал (вероятно, лучше отражающий первоначальное состояние) ясно показывает, что в этой зоне есть и такие говоры, где *хижа* употребляется в значении 'domus', где, следовательно, *chyža* противопоставлено обычному серб.-хорв. *кућа*, которому соответствует болг. *къща*. В Тырновском говоре также отмечено *хижляк* «уменьшительное от хижа» (Геров. Дополнение, 320); насколько далеко на восток проник этот тип в Болгарии, сказать сейчас трудно.

И, наконец, в кайкавских областях Хорватии — указываю это ради интересной формы — встречается муж. р. *his* в значении 'клеть'.

Что касается других типов, кроме *kqt'a*, *chyža*, *chyša*, кажется, они нигде в южнославянских языках не имеют значения 'domus' в прямом смысле. Правда, из болгарских говоров приводят *зграда* 'къща' (Стойков, Костов, 305); но приводят и *зграѓе* (*зграѓ'е*) как «название на всякое здание» (Маринов, 279), и это последнее будет, очевидно, точнее, судя по тому, что серб.-хорв. *зграда* обозначает 'здание, архитектурное сооружение вообще' и под.

Праслав. *chormъ* имеет значение 'domus' лишь на западе: в ряде чакавских говоров как будто *hrām* имеет значение 'domus' (?) (RJA, t. III, 678), что соответствовало бы в.-словен. *hrām* 'das Gebäude', особенно 'Wohngebäude, das Haus'⁵; на востоке Балкан такое значение в настоящее время нигде не подтверждается, южнослав. *храмъ* всюду отошло в сферу церковных терминов, хотя иногда имеет и народный характер: ср., например, хорв. *krām* 'Kirchweih' (Rešetar, 244), где переход *x > k* ясно указывает на литературное происхождение.

Географическое распределение, следовательно, таково: на крайнем

⁵ Но уже истрийское *hrām* обозначает «часть дома, где хранятся различные столовые приборы и посуда» (Ribarić, 151), а на острове Крк *hrāmac* обозначает только 'пастушья избушка' (RJA, t. III, 678).

западе южнославянской территории тип *chyša* (большая часть словенцев и часть истрийских хорватов-кайкавцев), к нему примыкает далее к востоку тип *chyža* (штокавцы с далматинского побережья, населяющие теперь Истрию, хорваты-кайкавцы), далее, захватывая сербско-хорватские чакавские и штокавские говоры почти целиком, господствует тип *kuha*, который проникает в Македонию до южных ее границ. На штокавскую модель *kuha* опирается опять-таки на востоке небольшая шопская область с типом *xija*, *ija* (включая и Крашован). Далее на восток появляется обычная болгарская *kъца* (с вариантами), которая употребляется и в эгейской Македонии (*kъшча*).

Остановимся на историческом аспекте вопроса.

Как мы уже отмечали, *kot'a* лишь вторично развило значение 'domus'; на это указывают следы старого значения на Балканах и семантика этого типа в восточнославянских языках, ср. и ст.-сл. *кѡшѣ* *сѡгнѣ*. Между тем серб.-хорв. *kuha* уже довольно рано получило значение 'domus'. Правда, RJA не дает достаточных подтверждений из сербских средневековых памятников. Однако в Законнике Душана XIV в. появляется *кѡшѣ* 'domus', а примеры из многочисленных хорватских писателей Приморья и Дубровника (Каванин, Виталич, Дошен, Кадич, Добретич, Зоричич, А. Качич, Држич, Гундулич, Ранина) неоднократно подтверждают этот тип, его же можно найти и у славонского писателя Рельковича, у боснийского писателя Посилевича и др. И в знаменитом хорватском Винодольском законнике, написанном на чакавском диалекте XIV века, *kuha* уже означает 'domus'. Когда ст.-сл. *кѡшѣ* *сѡгнѣ* перешло в болг. *къца* 'domus', сказать сейчас трудно; широкое распространение типа *къца* 'domus' на болгарской территории — красноречивое свидетельство его давности.

Что касается типа *chyža*, он в прошлом был распространен на Балканах шире, нежели теперь. Прежде всего западная область его распространения (теперешние далматинские и истрийские штокавцы и хорватские кайкавцы) была значительно шире, чем в наше время. Его употребляла не только материковая Далмация, но, как это можно видеть из RJA, и чакавцы Хорватского Приморья (Трсат возле Риетки) и чакавцы Далматинских островов (например, писатель Гекторович); примеров, подтверждающих этот тип, много. Эта модель находит себе подтверждение и в средневековой Боснии (тогда чакавской) и в Дубровнике. Следовательно, ясно, что средневековая область распространения модели *chyža* 'domus' охватывала полосу хорватских земель, кайкавских и чакавских, далее богумильскую Боснию и Дубровницкую республику. На западе тип *chyša*, который сейчас не охватывает даже всей Словении, был распространен больше, потому что *hiša* 'domus' в XIII в. подтверждается и различными чакавскими текстами (RJA). Я истолковываю это так: *chyša* первоначально было кайкавским типом, а *chyža* — чакавским (Далмация, Босния); образование хорватской феодальной державы (в которую входила и часть кайкавцев) и формирование отдельных государственных институтов в Боснии привели к вытеснению кайкавск. *chyša* чакавск. *chyža* в хорватских землях (теперь в кайкавском Загребе *hiža*); *hiša* сохранилось в Словении, политически изолированной от остальных южнославянских земель; однако события, связанные с турецкими войнами, занесли *hiža* в восточную Словению.

Другой зоной распространения типа *chyža* является, как мы видели, горный район в центре Балкан, на сербско-болгарской границе. Сербско-крашоване в Румынии своим *ija* свидетельствуют, что эта зона в средние века, по всей вероятности, была шире, нежели теперь; позднее этнические перемещения и развитие сербского и болгарского нацио-

нальных языков приводят к некоторому уменьшению этой зоны, сведению ее к двум районам, расположенным в горах, далеко от основных путей сообщения: один район в Шоплуке (Ниш-София), другой — в румынских говорах.

Были ли когда-то в контакте где-нибудь на севере Югославии и Румынии зоны употребления типа *chuzha* — западная (Босния, Хорватия) и восточная (Шоплук), — сказать сейчас трудно из-за отсутствия материала. Также нельзя достоверно сказать, был ли известен средневековым македонским говорам тип *chuzha*; в старославянских текстах, правда, находим *хъжина* 'oixia, domus', например, в Супрасльской рукописи (Miklosich, 1102); но старославянский лексический материал слишком неоднороден, чтобы можно было сделать какое-то заключение о типе *chuzha*.

Типы *kuha* и *къца* 'domus' как будто штокавского или болгарского происхождения. Формально *kot'a*, безусловно, является праславянским наследием и известно и в других районах (словен. *koča*); однако новое значение зафиксировано где-то в центре Балкан и не захватывает словенский язык, где в значении 'domus' выступает *hiša*. Распространение штокавцев в средние века из сербского королевства отодвинуло тип *kuha* далеко на юг, в Македонию, а известный, еще средневековый символ штокавцев и чакавцев (ср. и штокавск. и чакавск. $q > u$) способствовал распространению модели *kuha* на чакавской территории; миграции штокавцев на запад и север Югославии в период турецкой оккупации также способствовали распространению типа *kuha* в Боснии и в чакавских говорах на хорватской территории, а, возможно, и в Славонии, оставляя лишь кое-какие остатки типа *chuzha* (Загреб, частично Приморье, румынские сербы, Шоплук). Болгары, со своей стороны, благодаря литературному языку и вследствие миграций, утрачивали (*x*)*ижа* (Шоплук), заменяя его на *къца*.

Труднее, однако, сказать, где впервые *kot'a* получило значение 'domus': у штокавских сербов или в Болгарии. Мы не имеем данных, которые бы позволили сделать определенное заключение по данному вопросу: болгарские говоры, сохраняющие архаичное значение *къца* 'стая' и т. п., могли бы как будто свидетельствовать, что новое значение 'domus' шло с запада (ср. сербизм *кука* в Македонии); однако этого нельзя утверждать с уверенностью, так как *kuha* и в сербских говорах, в самом центре (см. далее) сохраняет еще и архаичное значение. Во всяком случае, откуда бы ни шел этот процесс, трудно представить, что штокавцы и болгары независимо друг от друга развили значение 'domus'. Напротив, совершенно очевидна связь между сербско-хорватским и болгарским языками, и эта связь, несомненно, установилась на Балканах. Какое новообразование в материальной культуре привело к этому — для ответа на этот вопрос этнография не дает надежных данных (см. выше работу Янко).

Мы должны остановиться и на некоторых других типах, которые в прошлом могли означать 'domus'. Так, на Дунае в Сербии находим топоним *Рама*, *Рам*, выступавший в средние века в форме *храм(ь)* и обозначавший место, где находился римский castellum Literata; исходя из этого, Скок считает, что др.-серб. *храм* значило 'кућа' (Skok, 146). В болгарском Коприщенском дамаскине *храмина* также значит 'къца'. Впрочем, ср. топоним на острове Мургер в Адриатическом море *Hrămina* (ударение соответствует болгарскому), в котором Скок опять-таки видит первичное значение 'кућа' (там же). Стоящий в устье Караша при впадении его в Дунай древний венгерский город (ныне Palanka) назывался *Haram* (Moór. Ortsnamen, 24), с ним можно сопоста-

вить и Храмос=венг. *Haram, Horom* в той же области (там же); однако *chormъ* все же не имело, по крайней мере на Балканах, значения 'обычный дом'; скорее оно значило 'дворец' и т. п., судя по приведенным выше примерам. Ср. и у старых приморских югославских писателей *hram* (и *hram*) в значении специального дома (см. RJA, t. III, 678), что соответствует значению русск. диал. *хоромы* 'большое деревянное жилое строение, просторный дом, домина' (ср.: «Он избу свою продал, хоромы выстроил, стал держать двор» или «залетела ворона в боярские хоромы» — Даль, т. IV, 577, 578); из значения 'великолепный дом' в средние века легко могло развиться в большинстве славянских языков значение 'церковь'. Я не хочу этим сказать, что *chormъ* первоначально не могло обозначать и небольшое, неприглядное строение⁶ (ср. зап.-чакав. *hram* 'кладовая', *hramac* 'пастушья избушка', укр. диал. *хорбми* 'сіни' — Жилко, 108; русск. вят. *хоромина* 'chata, mieszkanie' — Kuraszkiwicz, 91, 143; польск. диал. *chromina* 'szalas, chata, szopa, buda, chałupa'); но для южных славян (кроме крайнего запада, где вообще много общих черт со славянским севером) это не было характерно. В старославянском языке, правда, с ранних текстов засвидетельствовано, как правило, *господинъ храма, господинъ храмны* (наряду с *господинъ домоу*) в соответствии с греческим *οἰκοδομητής* (Jagić, 298); однако, во-первых, здесь *храмъ* может иметь тот же оттенок, что и русское *хоромы*, во-вторых, кроме старославянского языка, этого нигде нет (за исключением чакавского); таким образом, не следует принимать в расчет обширную область распространения *chormъ* 'domus'.

Более ограничена территория некоторых других типов: ст.-сл. *хъизъ*, *хъизина* 'domus, oikia', др.-серб. и др.-хорв. *хиза* 'domus' (очень редкое, по всей вероятности, из церковного языка); эти варианты никогда не имели большого значения, хотя находим их и у северных славян; ср. хорв. *his* 'чулан'.

Остается рассмотреть вопрос о типе *domъ*. В значении 'domus' на Балканах он только старославянский; серб.-хорв. и болг. *дом* и словен. *dom* в значении 'domus' — русское заимствование (у словенцев, возможно, из чешского); это слово в литературных языках всех южных славян получило широкое распространение (ср. серб.-хорв. *задружни дом, дом народног здравља, туристички дом, дом* 'палата в Скупщине' и т. д.). Вместе с тем не исчезло старое *domъ*; оно только получило иное, впрочем, известное и другим славянам значение: 'семья; домашний очаг' и т. п., чему нет необходимости приводить специальные подтверждения (ср. также словен. *dòm* 'das Haus, die Heimstätte'); сохранились и многочисленные производные. Однако, например, у сербов и хорватов еще с ранних текстов *дом* не имеет больше значения 'domus' (см. выше). Сохранившееся наречное *дома* также постепенно вытесняется выражениями, которые содержат слово *кућа, къща*: ср. у крашован перевод рум. *acasă* словом *дѡма*, но у сербов в Гаде (Румыния) *куѡд кућѡ* (Petrović, 232). Ср. также вопреки обычному серб.-хорв. *домѡщица* 'хозяйка' (из сербско-хорватского болг. *домаќиња* с тем же значением) — уже болг. диал. *врѡтоќашиница* — Самоковско (Стойков, Костов, 299), а также глагол *каштѡвам* «върѡпа домаќинската работа» (Указ. соч., 293) и т. д. Но это уже поздние процессы.

Во всяком случае *domъ* очень рано, еще до первых хорватских, сербских и болгарских (не считая старославянских) памятников, был

⁶ Янко считает, что *chormъ* — 'pleteny dŭm' (Janko, 86), однако ср. др.-инд. *har-yām* 'Burg, Schloss' (REW, Bd III, 262).

вытеснен другими типами: *chuz̃a*, *chysa* и *kot'a*; последний, благодаря различным обстоятельствам, о которых уже говорилось, имел более счастливую судьбу, чем первые два типа, и теперь охватывает большую часть славянских Балкан. Это один из случаев, когда, как мы видели, сербы-штокавцы и болгары пошли одним путем; позднее этот тип захватил и большую часть чакавской территории. Иногда унификация в пользу типа *kot'a* проходила совершенно идентично на большой территории: ср., с одной стороны, болгарское диалектное производное *ukáшти* 'помещение с огнище, кухня' (Стойков, Костов, 328), а с другой — идентичное хорв. *ikca* в Истрии со значением 'двор, стаја' (Ribarić, 151). Подобные явления как раз и свидетельствуют о том, что современное распространение типа *kot'a* могло быть очень недавним плодом эволюции южнославянского лексического фонда на современной южнославянской территории, хотя оно и не захватило крайний запад.

II. Сербско-хорватское *петао*, болгарское *петел* 'петух'

В отношении названия этой домашней птицы современную севернославянскую территорию можно условно разделить на две зоны: 1) восточную, где петуха называют по его способности петать, и 2) западную, где названия петуха образованы от звукоподражаний с элементом *к*.

1. Восточнославянские типы:

а) литературное и сев.-в.-русс. *петух* (Кузнецов, 107; Kuraszkievicz, 55); ср. в русских владимирских, вологодских и других северновеликорусских говорах *п'отух* (Кузнецов, 44); о слове *петушек* см. у В. И. Даля: «в арх. всех куликов зовут пѣтушками; а у нас иногда удода, потатуйку»; у Даля находим и «морской петух чрнмр. рыба Trigla hугах».

Др.-польск. *pieuch* 'kur, kogut'; и теперь этот тип можно встретить у поляков в Литве (ср. Karłowicz, t. IV, 99); неясно польское диалектное *piecuch* 'gatunek gołębia'.

б) в.-русс. *пет* 'петух' (Даль; где?).

в) в.-русс. шуточн. *пѣтька* 'то же'.

г) в.-русс. псков., смол., твер., ржев. *пѣтѹн* с тем же значением.

д) сев.-в.-русс. яросл., влд. *пѣвѹн*; то же и сев.-в.-русс. новг., костр. *пѣѹн*.

Также и польск. диал. в Литве *piewin* 'kogut' (Karłowicz).

е) южн.-в.-русс. (и донск.) *певень*; к этой территории естественно примыкает украинское (литературное и многие говоры) *півень* 'петух' и общераспространенное белор. *певень* (Ломтев, 12).

Ср. также и польск. диал. *piweń* 'kogut' (Karłowicz).

ж) русск. новг. *пѣвухѣк*.

з) южн.-в.-русс. орл.-мал. *пѣвел* (Даль).

II. Западнославянские типы:

а) др.-польск. и польск. диал. *kokot*, *kokotek* (Познань), *kōkōjot* (Куявы, см. Karłowicz), *kokut*, полаб. *k'üök'ätot* (Rost, 395; Мука, 653), луж. *kokot*, чеш. диал. *kokot* 'kohout', в чеш. ляс. говорах (Bartoš, t. I, 149); ср. польск. диал. *kokota* 'kura', чеш. *kokotka* экспрессивное 'slepíčka'.

Сюда, конечно, можно отнести и укр. *кѡкот* 'шпалун, резвое дитя' («менше кокот, менше клопот»).

б) польск. *kogut*, ст.-н.-луж. *kogot* (Muka), чеш. *kohout* 'samec kurovitých ptáků', слвц. *kohút*, в переходной зоне польских и словацких говоров *kohut*, *кю(h)ut*, *кохут* (Vážný, 148).

Сюда же относится и часть украинской территории: литературному укр. *півень* (см. выше) в юго-западных говорах соответствует *кбгут*, *когът* (Гринченко; Булаховский. Питання, 23; Жилко, 303).

в) др.-польск. и диал. (гуральск.) *kohut*, польск. диал. (Силезия) *kohót*.

г) польск. диал. (Пшасныш) *kobut*.

д) чехо-морав. и слвц. диал. *kokoš* (Bartoš; Kálal); ср. и морав. *kokošek* 'kohoutek' (Bartoš).

Сюда же относятся и западноукраинские говоры и Галиция, где говорят *кюкош* 'петух'.

е) чеш. (экспрессивное) *kokrháč* 'kohout'.

ж) слвц. (редко) *kikiredák* в некоторых говорах центральной Словакии 'kohút' (Kálal).

з) польск. диал. *kochaj*.

и) тип *кощеть*. Сейчас он является не западнославянским, а только восточнославянским: южн.-в.-русс. (захватывая и некоторые северные говоры) *кбчет*, *кочёт*, *кочеток*, ряз. *коч* 'петух' (о распространении см.: Кузнецов, 107; Kuraszkiwicz, 55)⁷. Но ср. др.-польск. *koczot* 'pieńiądz drobny, halerz; stręczyciel nerządu, utrzymujący dom publiczny', если это слово связано с *кощеть 'петух'. Несомненно, с этим связаны и укр. *кбчет*, *кбчеть* «колышек на конце *граділля*, на который надевается деревянное кольцо, соединяющее плуг и *колішню*; в лодке: *кочеток*, каждый из двух колышков, в которых ходит весло» (ср. польск. *kurek* и *ptuga*).

Из остальных типов на севернославянской территории следует упомянуть:

Во-первых, польск. диал. *piekut*, которое означает 'kur' и 'ficlans (bekasa)' и которое можно рассматривать как контаминацию типов *kokot*, *kokut* и *pietuch* или *piewin*.

Далее полаб. *slěpăc* = польск. *kogut* (Lehr-Spławski, 47), которое территориально и генетически связывается с чеш. *šlepice* 'samice kura domácího', слвц. *šliepka* 'id.', польск. *šlepucha* 'kura (w gwarze złodziejskiej)' (Karłowicz). Ни в чехословацкой группе языков, ни в польском я не нашел *slěpъсь* в этом значении. Между тем полабскому известен и обычный западнославянский тип *kokoť* (ср. выше).

Наконец, тип *куръ*. Он отмечается в разных местах и на восточнославянской и на западнославянской территории; но по тем данным, которыми мы располагаем, трудно судить, где он обозначает непосредственно 'gallus', а где имеет более широкое значение самца каких-то видов птиц. Ср. в.-русс. у Даля *кур* 'петух, пень, петел, кочет', без локализации, и типы *күран*, *курѣнка*, *курáш*, *курáшна*, *куръль*, *куръш*, *курýн*, *курýх* и т. д., но в узком значении 'индейский петух'. Гринченко приводит украинское *кур* 'петух' только из литературы, но в западноукраинских говорах употребляется выражение о *күрях* в значении 'во время пения петухов'. В чешском языке *kur* 'kohout' уже архаизм, однако в сельскохозяйственной и зоологической терминологии употребляется *kur* в значении (k. domácí) 'kohout, šlepice selského plemena' и еще: 'rod ptáků z čeledi tetřevovitých'. Наконец, *kur* значит 'kogut' в некоторых

⁷ В поволжских говорах, где вообще скрещиваются северные и южные великорусские черты, *петүх* и *кбчет* употребляются параллельно (Kuraszkiwicz).

польских говорах; точно такое же значение имеет и кашуб. *kurk, kurák*; на этой территории *kokotъ* и варианты неизвестны (Karłowicz, t. II, 527—529). Между тем выражения *kirowie pieją, jak kurzy zapieją* и т. п. употребляются географически шире и во многих говорах, где тип *kurъ* не имеет самостоятельного употребления (например, Познань); широко распространено также *kur* как название детской игры. В зоологической польской терминологии также существует слово *kur* 'gallus, ptak куро- waty z rodziny bażantów, samiec tego ptaka' и т. д.

Так обстоит дело на севернославянской территории, насколько я мог установить по доступным мне материалам. Но я вполне отдаю себе отчет в том, что данная картина не может быть полной; особенно приходится сожалеть о том, что недоступным для меня остался материал, собранный для русского, украинского и польского атласов. Пришлось довольствоваться теми источниками, которыми я располагал.

Перехожу к данным современных говоров южнославянских языков. Двигаясь с востока на запад, мы можем наблюдать здесь следующую картину.

Насколько мне известно, в Болгарии общераспространенным типом является *peťelъ*; других типов я не обнаружил. Ср. лит. болг. *petél* «мъжка кокошка» (БТР); Геров дает только *petél* = петух, кочет; о распространенности этого слова свидетельствует и тот факт, что *petel* вошло в состав многочисленных народных ботанических терминов, как *petľbwa opáška, petľbwi nokte, petľbъv грѣбен* и т. д.; ср. на западе Болгарии *petľeъ* «полско цвете; цветът му е бял, чървен, син, турунд- жиев» (Маринов, 262); ср. и *див петел* 'птица глухарь' в области народной зоологической номенклатуры (Геров). На юго-востоке Болгарии также находим *pitél* 'петел' (Христов, 235), точно так же и в болгарских говорах на территории СССР: *petél* 'петух' (Швецова, 93), *n'it'él* с тем же значением (Бунина, 56).

В македонском ср., например, *petel* (Велес) (см. Геров. Дополнение, 182).

В сербских шопских говорах также *petěl* 'петао' (Белић. Дијалекти, 393), у сербов-крашован в западной Румынии *petal* (мн. ч. *petľbve*) = рум. *coșoș* (Petrovici, 159), в Косове *peťđo* или со стяжением — *ao > ѓ*, *petā* (Елезовић, т. II, 69), в Воеводине *peťmđ* (из моих материалов), в Славонии *pitāl*, в различных говорах (Ivšić, 190) и у хорватов-кайкавцев (насколько широко?) *petel* (RJA). Вук Караджич для центра сербско-хорватской территории также называет основным типом тип *pijětao*. Точнее проследить географию слова в центральной Югославии не представляется нам возможным вследствие полной неизученности большинства этих говоров. В RJA материал приводится в основном из собственно Сербии.

На штокавском юго-западе, главным образом в Черногории и в соседних областях, употребляется другой тип — *kokotъ*: *кѡкѡт* 'der Hahn, gallus', по Вуку — на юго-западе и, кроме того, в Боке Которской; *кѡкѡт* говорят и в Прчане (Бока) и в районах Озриничей, Мрковичей, и в Титограде (Черногория), *кокотѣћ, бѣљин кокотѣћ* в Титограде означает 'der Buntspecht', в Прчане та же самая птица называется *бѣљин кѡкѡт*, в Мрковичах *дѣбљы кѡкѡт* (Rešetar, 242). В Дубровнике *кѡкѡт* — название для морской рыбы 'trigla lineata, gallus marinus' (Карапић; RJA; ср. выше русск. *морской петух* — название для того же самого вида trigla). Нигде больше на востоке, например в Косове, этот тип не употребляется, как это подчеркивает Гл. Элезович (Елезовић, т. I, 235); я могу добавить, что нет этого типа и в Белграде и во всей Воеводине.

Дальше на запад от штокавской екавской территории, приблизительно в областях Далмации и Герцеговины (материал не дает возможности для более точной локализации) употребляется третий тип *pěvьсь*. В Герцеговине отмечено только *божји пѣвац* 'der Buntspecht' (Rešetar, 267), сравните с ним приводимое выше *бабин кокот* и т. п. с тем же самым значением. На крайнем юге Истрии есть говоры сравнительно молодого штокавского типа, несомненно, перенесенные из Далмации (села Премантура, Винтиян, Винкуран, Помер, Валдебек), где я зафиксировал вопреки остальным истрийским типам (ср. ниже) далматинско-герцеговинский тип *pīvas* (см. Popović. Elementi, 70, 72). И в словаре Хабделича (откуда?): *pevec* 'gallus'.

Идя дальше на запад, находим тип *pětechъ*, схожий с русск. *пемух*. Сейчас его можно отметить в основном в северных районах чакавской территории и в Истрии, т. е. в тех западных сербско-хорватских областях, где произошла замена *ě > e*; это слово встречается только в экавской огласовке *peteh*; не засвидетельствовано ни **pīteh*, ни **pjeteħ*. Ср. в хорватском Приморье *petěħ*; то же самое можно найти и на северных островах Паг, Раб и Крк (Tentor), далее на Суске *pěteh* (Hamm, Hgraste, Guberina, 172); мною зафиксировано в Истрии *pěteh* во всех штокавских говорах на юге и юго-западе, кроме крайнего юга (ср. Popović. Elementi, 70, 72; акцентуация по моим материалам); RJA обращает внимание на тот факт, что растение *polygoum convolvulus*, которое в русском называется *пемушок*, в Истрии носит точно такое же название *petesaħ* (RJA, t. IX, 927). Наконец, западные говоры словенского языка (Нотранско) примыкают в этом отношении к говорам Истрии и Хорватского Приморья, в них мы также находим *pěteh* 'Hahn'; не зная хорватского материала, Плетершник спрашивает — очевидно, исходя из русск. *пемух*, — не опибка ли *pěteh* вместо **petuh* (Pleteršnik, t. II, 30); но мне нигде на южнославянской территории не встретилось **petuh*, а *pěteh* зафиксировано точно.

Еще дальше на северо-запад, в центре словенских говоров и в литературном языке, находим тип, близкий к штокавско-болгарскому, — *petélin*, от него имеется много производных и ботанических терминов; в Изоле в Словенском Приморье есть мыс, который называется *Petelin* (= итал. *Punta de Gallo*, см. Toponimika, карта № 3, также стр. 94).

В некоторых словенских текстах (но не в говорах) снова находим восточный тип *pěvec* 'petelin'; вероятно, это сербизм.

В то же время в словенских говорах действительно встречается другой тип, который можно найти и восточнее (ср. выше), — *kokotъ*. Ср. в восточных словенских говорах (Штирия) *kokôtec* 'kleiner Hahn'; с ним географически связано и хорв. кайкавск. *kokot* в Суне (RJA), *kokôtek* (Pleteršnik) с тем же значением. В словенской ботанической терминологии этот тип распространен еще больше.

Остается указать — по южнославянской территории — еще лишь несколько типов локального характера.

Прежде всего это *kurъ*, который RJA отмечает как «очень редкий», употребляющийся, может быть, только «у северных чакавцев и кайкавцев». Однако, как мы уже видели, стандартным северночакавским типом является *pětechъ*, у кайкавцев (словенцев и хорватов) находим *petelin*, *petel*, *peteh* и, конечно, *kokot*. Остается неясным положение с южнославянским типом *kurъ*, приблизительно так же, как и на севернославянской территории. Некоторые старые хорватские лексикографы отмечают *kur*, впрочем, замечая постоянно, что это слово «русское» (ср. RJA, t. V, 809, 811). Лишь в югославском Приморье зафиксировано *kürica* 'молодая курица'; однако в этом случае не представлено соответ-

ствующее слово муж. р. (ср. жен. р. *kokošъ*, более распространенное, чем муж. р. *kokošъ*, в тех же областях).

Вук Караджич отмечал в Боснии и Славонии турцизм *ѡроз* «1. см. *пијетао*»; но это слово в основном отошло в другую сферу, получив значение 'der Hahn an der Flinte', а в значении 'gallus' распространено слабо; ср., например, как раз из Славонии *pītal* 'gallus' (см. выше).

Наконец, М. Павлович отмечает в южной Сербии *чѣпръач* 'петало' (Павлович, 223). Между тем речь очевидно идет только об экспрессивном, индивидуальном обозначении петуха, который «роет землю», «чепрка» («чепръа»), так как тип *рѣльъ* охватывает, как мы уже видели, Сербию, Македонию и Болгарию, по-видимому, полностью.

Таким образом, положение на южнославянской территории более запутанное, чем на северо-востоке славянского мира. Севернославянский материал показывает, по крайней мере в синхронном плане, достаточно ясную и последовательную картину. На восточнославянской территории почти всегда понятие о петухе связано с понятием 'певун': на русском севере находим вариант *рѣ-*; на юге (включая белорусский и украинский) — *рѣв-*; в центральных областях появляется тип *петун* (псковск., смоленск., ржевск., тверск.), который производит впечатление контаминации северного *петух* и южного *певун* (*певень*); с запада проник тип *kokotъ* (и *kogutъ*) — его акцентные особенности свидетельствуют как будто о заимствовании из польского (Булаховский. Названия птиц, 99); возможно, и южн.-в.-русс. *кочет* западного происхождения, так как напминает западнославянские типы. Западнославянская картина также довольно ясна: *kokotъ* (с вариантами); только на крайнем западе встречаем *slѣрць*, а на крайнем востоке — там, где польские говоры граничат с русскими, — находим типы *pietuch*, *pieweń*. Лишь *kurъ* у всех северных славян воспринимается как архаизм и имеет специфичное употребление.

В южнославянских языках картина более сложная, особенно если пытаться восстановить историческую перспективу. Единственно ясно следующее: южные славяне точно так же, как и восточные, дали петуху название в первую очередь по его способности петать. Вопрос только в том: значит ли это, что такое название появилось в период, когда восточные и южные славяне находились в более тесном контакте и когда у них развились одинаковые фонетические черты (*kv, gv > cv, zv; tl, dl > l*)? На этот вопрос ответить нелегко, потому что называть петуха певцом естественно. Ср. русск. диал. *певун* 'петух', но и «Все итальянцы певуны» (Даль, т. III, 572). Ср. также гот. *hana* 'gallus' — лат. *canere, cantare* (Bach, 34). Гораздо больше по нашему вопросу могла бы дать морфология в том случае, если бы мы могли показать, что данное образование возникло в восточно-южнославянской общности. Но этого нельзя сказать наверняка ни об одном из типов. Правда, некоторые указывали на родство серб.-хорв. *пѣтао*, болг. *петел* с др.-русс. *пѣтель*; но последнее церковнославянского, следовательно, южнославянского происхождения; русские говоры не подтверждают такое предположение (ст.-чеш. *pītel* не имеет с этим никакой связи, оно обозначает 'piják, pijan'). Можно было бы считать общим наследием *рѣ-* и у русских и у словенцев, хорватов, сербов, македонцев и болгар, однако южнорусские, белорусские и украинские говоры показывают другой тип *рѣв-* (наряду с теми, где есть элемент *k*). В сербско-хорватском *рѣв-* (*рѣвьсь*), напротив, мы находим только на юге, на небольшой территории (ср. выше) и можно сказать, что это новое, недавнее применение общеславянского *рѣвьсь* в значении 'петух' (вероятно, в соответствии с приморским *peteh* и общим *пѣтао*): нигде в других говорах,

кроме сербско-хорватских, образование *pěvьсь* не имеет этого значения (не имеет его ни русск. *певец* 'кто хорошо поет', ни болг. *певец* 'който може добре да пее', ни ст.-сл. *пѣвѣць* 'ψάλτης, cantor', ни словен. *pěvec* 'Sänger' и т. д.; чеш. *pěvec* мн. ч. *pěvci* 'řád ptáků se zpěvným ústrojím' — совсем новое, книжное). С другой стороны, русск. *петух* и серб.-хорв. чакав. *peteh* не абсолютно идентичны по образованию (ср., однако, паразитильное соответствие в ботанической терминологии: русск. *петушок* = чакавск. *petešak*), несомненно только, что это образование моложе типа *pětvь* (ср. Булаховский. Названия птиц, 109); речь идет о склонности славянских языков с помощью элемента *-ch-* образовывать названия птиц: ср. *přtacha и т. д. (Гринкова, 56).

Кроме того, нужно иметь в виду, что восточнославянские и южнославянские типы на *pě-*, бесспорно, моложе звукоподражательных типов *kokotъ*, *kogutъ* и т. д., преобладающих у западных славян. Эти последние у южных славян распространены мало (*кокот* только в Черногории и частично у кайкавцев), но когда-то они были довольно распространенными. Что касается типа *kokotъ*, мы не можем категорически утверждать, что он был свойствен старославянскому языку, так как из древних текстов его можно найти только в Мариинском евангелии — *кокогъ* 'ἀλέκτωρ', в остальных *кооръ* (Jagić, 355): таким образом, *кокотъ* может быть сербизмом; но зато *kokotъ* охватило славянские говоры в Греции: ср. новогреч. *χόχοτος*, а также и аромун. *kukoti* (в отличие от дакорум. *cocoș*) (Матов, 67), затем в Фессалии топон. *Κοκοτί* (Vasmer. Slaven, 100) и даже на Пелопонесском полуострове *Καχοτάρι* < *kokotarъ* 'Hühnerstall' (Указ. соч., 134). С другой стороны, славяне, жившие на территории Западной Румынии, оставили также топоним рум. *Cocot* = венг. *Kakad* и гидроним *Kakat*, который Е. Моор соотносит с *kokotъ* 'gallus' (Моор. Ortsnamen, 127)⁸.

Наряду с *kokotъ* было распространено у части южнославянских племен (тех, которые находились в контакте со словаками) в том же самом значении 'gallus' и муж. р. *kokošъ*, о чем свидетельствует дакорум. *cocoș* 'петух' (Михаилэ, 7), общевенг. *kakas* 'Hahn' (Моор. Ausbildung, 57—58), алб. *kokósh* 'петух'. Нетрудно заметить, что в прошлом у южных славян были широко распространены типы на *кок-*, свойственные теперь в первую очередь западнославянским областям.

Тип *kokotъ*, некогда шире распространенный, чем теперь, подтверждается древними сербско-хорватскими памятниками: он был известен многим старым приморским писателям. Точно так же и тип *кокошь* (муж. р.?) как будто подтверждается среднеболгарским текстом (XIV в.), правда, в значении 'ἵρως, accipiter' (Miklosich, 296).

На острове Муртер в средней Далмации есть топоним *Кокоч* (название долины), который Скок считает неясным (Skok, 147); может быть, он связан с одним из наших типов?

Мы видели выше, что тип *kurъ* на Балканском полуострове (возможно, кроме северо-запада) встречается редко; действительно, он является архаизмом и на Балканах и в севернославянских говорах;

⁸ Тот факт, что *kokotъ* в значении 'петушиный крик' и т. п. находим в русском языке: *кокот*, серб.-хорв. *кокот*; болг. диал. *петел'е кокоти* («къкри»; Цонев, 15), чеш. *kokot* 'hlas vydávaný kohoutem' и т. п., — не имеет к нашему вопросу никакого отношения, потому что это значение первоначальное, а от него уже развилось вторичное значение — название птицы; слово *kokotъ* имеет тот же суффикс *-tъ*, что и другие названия для шумов: *klopotъ*, *lopotъ*, *šъpъtъ* и т. д. (ср. Meillet. Etudes, vol. II, 298—299). Обратный процесс наблюдаем в болгарском языке, где *петел* обозначает и «2. паянето, кукуригането, що паят ноция петлите» (Гергов).

на его древность указывает соотносимость этого славянского типа с иранским и образование на *-r-* (ср. Meillet. *Études*, vol. II, 409)⁹. Значит, *kurъ* в прошлом должно было иметь более широкое распространение, хотя сейчас это проследить невозможно. Ср. все же упомянутое ст.-сл. *кѹръ ѡлѣхѡр*. Во всяком случае нельзя наверняка относить сюда изолированный топоним *Курићи* (село) в центральной Сербии.

Если тип *kurъ* можно считать старым (на это указывает связь с индоевропейским востоком — с иранским), то, по мнению некоторых, можно считать старым и тип *kokotъ* (ср. и польск. диал. *kokota* и т. п.), поскольку он может быть связан с кельтской группой (фр. *coq* 'gallus', *cocotte*, первоначально 'gallina') и, следовательно, указывал бы на связи с индоевропейским западом. Тем не менее несколько рискованно утверждение Л. А. Булаховского, что это праславянское звукоподражательное образование (Булаховский. Названия птиц, 112); здесь трудно найти основания для далеко идущих комбинаций.

Во всяком случае, из всего вышесказанного можно сделать следующий вывод: типы *kurъ* и *kok-* (*kokotъ*, *kokošъ*) охватывали большую область южнославянского ареала; от них до настоящего времени сохранились отдельные изолированные очаги (ср. выше). В основном более поздним является тот процесс, который мы находим у большинства восточных и южных славян: названия с корнем *рѣ-*, возможно, возникли по принципу табу (Кузнецов, 114) или потому, что типы с начальным *k-* отошли в другую семантическую сферу (*kurъ* в сербско-хорватском, словацком, польском и др.; *kokotъ* в словацком и сербско-хорватских диалектах — Дубровник и т. д.). Однако и этот восточно-южнославянский тип может уходить корнями в праславянскую эпоху, в период древнего контакта южных славян с антами. Бесспорно, из всех типов на *рѣ-* наиболее старым является *рѣтъль*, который и теперь широко распространен (на Балканах); об этом свидетельствует само образование на *-лъ* (Булаховский. Названия птиц, 109, ср. и Meillet. *Études*, vol. II, 311, 421). Все же тип *пѣтъль*, *пѣтъль* в древнейших старославянских текстах еще не употребляется: в Македонии тогда употреблялось *коуръ* (и *кокотъ*; ср. выше); но *пѣтъль* появляется в среднеболгарских текстах (Miklosich, 762). Что касается сербско-хорватских текстов, то этот тип мы находим у старых боснийских писателей XVII—XVIII вв. (*pitao*); в Приморье его и теперь нет (есть только у лексикографов). Трудно сказать, есть ли географическая и генетическая связь шток.-мак.-болг. *рѣтъль* со словен. *petelin*, потому что неясно, исконны или принесены из штокавского центра словен. *pital* и хорв.-кайк. *petel* (ср. и у Хабделича, Плетершника).

Что же касается словен. *petelin*, то оно также довольно древнее, по крайней мере не моложе XIII века, так как в одном из латинских текстов того времени из Австрии отмечен топоним *Petelinadolina* 'id est Hannental' (Pirchegger, 231)¹⁰; возможно, на юго-востоке *petelin* занимал и большую территорию, если можно положиться на единственный пример у задарского писателя XVI в. Зоранича. Географи-

⁹ Считалось, что *kurъ* — заимствование из иранского (ср. Janko, 56), что не является абсолютно точным; скорее всего это старое индоевропейское наследие, как и в иранском (см.: J. Rozwadowski. *Stosunki leksykalnie między językami słowiańskimi a irańskimi*. RO, I, стр. 110).

¹⁰ Старославянское *пѣтъльнѣ ѡлѣхѡрѡв*, *gallus*, которое отмечает Миклошич (Miklosich, 761), в действительности взято из поздних текстов и с языком Кирилла и Мефодия никак не связано.

ческая связь между ним и серб.-болг. *pětblъ* маловероятна, так как в Паннонии и Дакии, так же как и в Татрах, когда-то господствовал тип *kokošъ* (ср. выше), а на Балканском полуострове было распространено *kokotъ* (например, у кайкавцев).

Поэтому и *pětechъ*, очевидно, более позднее образование, хотя в прошлом охватывало большую территорию, нежели теперь. В настоящее время этот тип можно найти только в Истрии, в части Словении и у северных чакавцев; а некогда, судя по древним текстам, он был распространен в Далмации (например, находим его у Марулича и Зоранича из средней Далмации); позднейшие миграции в эпоху турецких завоеваний оттеснили этот тип в пользу совсем нового типа *pěvъsъ*, и этот последний распространился по Далмации и Герцеговине. Нужно еще отметить, что и *pěstъcъ* засвидетельствовано с XV в. у полуштокавизированных далматинских чакавцев.

Резюмируя кратко все вышесказанное, можно сказать, что на Балканах шел процесс постепенного вытеснения старых звукоподражательных типов *kurъ* и *kok-* и их производных типами с *pě-*. Процесс протекал по-иному на русской территории: сохранилось — в различных местах — больше архаизмов; но все же, возможно, имелась известная связь с ходом процесса в русских диалектах. Между тем одно можно сказать наверняка: тип *pětblъ* занимает сейчас компактные области Сербии, Македонии и Болгарии и распространился из одного очага; возможно, он начал распространяться с болгарской территории, так как у болгар более унифицированная, менее пестрая картина, нежели у сербов-штокавцев, у них ликвидированы архаизмы. Процесс этот, бесспорно, более поздний, чем первые старославянские тексты, поскольку они не подтверждают типа **pětblъ*.

И здесь, следовательно, мы имеем дело с поздней балканской инновацией, связывающей болгар, македонцев и штокавцев; на вопрос, связаны ли генетически остальные сербско-хорватские и словенские типы на *pě-* с типом *pětblъ*, как мы уже сказали, окончательно ответить трудно. Впрочем, это не имеет непосредственной связи с нашим исследованием.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- Белић. Дијалекти — Белић А. Дијалекти источне и јужне Србије. «Српски дијалектолошки зборник», књ. 1. Београд, 1905.
- Белич, Заметки — Белич А. И. Заметки по чакавским говорам. СПб., 1910.
- Бешовишки — Бешовишки Д. Материал за българския речник. От Вратца и околността му. СбНУ, кн. XIV. София, 1897, стр. 189—206.
- Булаховский. Названия птиц — Булаховский Л. А. Общеславянские названия птиц. ИАН ОЛЯ, т. VII, 1948, вып. 2, стр. 97—124.
- Булаховский. Питання — Булаховский Л. А. Питання походження української мови. Київ, 1956.
- Бунина — Бунина И. К. Лексический состав говора ольшанских болгар. СМБД, вып. 3, 1953, стр. 3—84.
- Български език — Андрейчин Л., Костов Н., Мирчев К., Николов Е., Стойков Ст. Български език. София, 1955.
- Видоески — Видоески Б. Поречкиот говор. Скопје, 1950.
- Геров — Геров Н. Речник на български език, ч. I—V. Пловдив, 1895—1904.
- Геров. Дополнение — Дополнение на българския речник от Н. Геров. Събрал, наредил и истълкувал Т. Панчев. Пловдив, 1908.
- Гринкова — Гринкова Н. П. Некоторые вопросы изучения словарного состава славянских языков. «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 92, 1954, стр. 35—70.
- Гринченко — Гринченко Б. Словарь української мови, тт. I—IV, Київ, 1907—1909.
- Гъбюв — Гъбюв П. Материал за българския речник. От гр. В.-Търново. СбНУ, кн. XIV. София, 1897, стр. 206—222.

- Елезовић — Елезовић Гл. Речник косовско-метохиског дијалекта. Св. I, II, Београд, 1932, 1935. «Српски дијалектолошки зборник», књ. IV, VI.
- Жилко — Жилко Ф. Т. Нариси з дијалектології української мови. Київ, 1955.
- Кабасанов — Кабасанов С. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. ИИБЕ, кн. IV. София, 1956, стр. 5—102.
- Карадић — Карадић Вук. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. У Београду, 1935.
- Кузнецов — Кузнецов П. С. Русская диалектология. 2 изд., М., 1954.
- Кузов — Кузов А. Костурский говор. ИССФ, кн. IV. София, 1921, стр. 86—126.
- Ломтев — Ломтев Т. П. Грамматика белорусского языка. М., 1956.
- Маринов — Маринов Д. Материал за българския речник. Думи и фрази из Западна България. СбНУ, кн. XII. София, 1895, стр. 270—296.
- Матов — Матов Д. Гръцко-български студии. СбНУ, кн. IX. София, 1893, стр. 21—84.
- Милетић — Милетић Ј. Особен принос към речника и фразеологията на източните български народи. Сп. БАН, кн. LVI. София, 1937, стр. 43—87.
- Михаилъ — Михаилъ Г. Слова древнеславянского происхождения в румынском языке. М., 1957. (Автореферат кандидатской диссертации).
- Павловић — Павловић М. Говор Сретечке Жупе. Београд, 1939 («Српски дијалектолошки зборник», књ. VIII).
- Попов — Попов К. Говорът на с. Габаре, Белослатинско. ИИБЕ, кн. IV. София, 1956, стр. 103—176.
- Селищев — Селищев А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.
- Стойков, Костов — Стойков С., Костов К. и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. ИИБЕ, кн. IV. София, 1956, стр. 255—338.
- Христов — Христов Г. Говорът на с. Нова Надежда, Хасковско. ИИБЕ, кн. IV. София, 1956, стр. 177—253.
- Цонев — Цонев Б. Кои новобългарски говори стоят най-близу до старобългарски в лексикално отношение. Сп. БАН, кн. XI. София, 1915, стр. 1—32.
- Черных — Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. М., 1957.
- Шведова — Шведова Т. В. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы. СМБД, вып. 2, 1952, стр. 84—98.
- Bach — Bach A. Geschichte der deutschen Sprache, 6, erw. Aufl. Heidelberg, 1956.
- Bartoš — Bartoš F. Dialektický slovník moravský, I—II. Praha, 1905.
- Hamm, Hraste, Guberina — Hamm J., Hraste M., Guberina P. Govor otoka Suska. «Hrvatski dijalektološki zbornik», knj. 1. Zagreb, 1956, стр. 7—213.
- Hraste — Hraste M. Čakavski dijalekat ostrva Hvara. ЈФ, књ. XIV. 1935.
- Ivšić — Ivšić S. Današnji posavski govor. «Rad JAZU», CXCVI, Zagreb, 1913.
- Jagić — Jagić V. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.
- Janko — Janko J. O pravěku slovanském. Praha, 1912.
- Káral — Káral M. Slovenský slovník z literatury aj nárečí. V Banskej Bystrici, 1924.
- Karłowicz — Karłowicz J. Słownik gwar polskich, 1—6. Kraków, 1900—1911.
- Kiparsky — Kiparsky V. Die gemeinславischen Lehnwörter aus dem Germanischen. Helsinki, 1934.
- Kuraszkiewicz — Kuraszkiewicz W. Zarys dialektologii wschodnio-słowiańskiej z wyborem tekstów gwarowych. Warszawa, 1954.
- Lehr-Splawiński — Lehr-Splawiński T. Język polski. Pochodzenie, powstanie, rozwój. Warszawa, 1947.
- Liewehr — Liewehr F. Über expressive Sprachmittel im Slawischen. ZfSl, Bd I, H. 1, 1956 стр. 11—27.
- Matičetoв — Matičetoв M. Un dizionario e due *Paternoster* resiani inediti. «Ricerche Slavistiche», vol. IV, 1955—1956, стр. 76—87.
- Meillet. Éskisse — Meillet A. Éskisse d'une histoire de la langue latine. 3-me éd., Paris, 1933.
- Meillet. Études — Meillet A. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I—II. Paris, 1902—1905.
- Miklosich — Miklosich F. Lexicon palaeoslovenicum-graecolatinum. Vindobonae, 1862—1865.
- Moór. Ausbildung — Moór E. Die Ausbildung der Betriebsformen der ungarischen Landwirtschaft im Lichte der slavischen Lehnwörter. «Studia Slavica», t. II, 1956, стр. 31—117.
- Moór. Ortsnamen — Moór E. Die slavischen Ortsnamen der Theissebene. «Zeitschrift für Ortsnamenforschung», VI.
- Muka — Muka E. Słownik dolnoserbbskeje řęcy. Вып. I, Пр., 1921; его же. Słownik dolnoserbbskeje řęcy a jeje nářęcow, II—III, Praha, 1928.
- Ōštir — Ōštir K. Illyro-Trakisches. «Архив за арбанаску старину, језик и етнологију», т. I, Београд, 1923.

- Petrovici — Petrovici E. Graiul Caraşovenilor, studiu de dialectologie slavă meridională. Bucureşti, 1935.
- Pirchegger — Pirchegger S. Die slavischen Ortsnamen im Mürzgebiet.
- Pleteršnik — Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar, I—II. V Ljubljani, 1894—1895.
- Popović. Elementi — Поповић I. Dalmatinski i istarski elementi u rečniku istarskih štokavskih govora. «Riječka revija», god. VI, 1957, 3, стр. 66—72.
- Rešetar — Rešetar M. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907.
- Ribarić — Ribarić I. Razmještaj južnoslovenskih dijalekata na poluotoku Istri. «Српски дијалектолошки зборник», књ. IX, 1940.
- RJA — Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I—XV. Zagreb, 1880—1956.
- Rost — Rost P. Die Sprachreste der Draväno-Polaben im Hannöverschen. Leipzig, 1907.
- Škok — Škok P. Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima. Zagreb, 1950.
- Štrekelj — Štrekelj K. Slovanski elementi v besednom zakladu štajerskih Nemcev. «Časopis za zgodovino in narodopis», knj. V—VI. Maribor.
- Tentor — Tentor M. Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. «Razprave Slovenske Akademije znanosti in umetnosti», I, Ljubljana, 1950, стр. 67—92.
- Toponimika — Toponimika zapadne Istre, Cresa i Lošinja. Zagreb, 1956 (Anali leksikografskog zavoda FNRJ, sv. 3).
- Trombetti — Trombetti A. Saggio di antica onomastica mediterranea. «Архив за арбанаску старину, језик и етнологију», књ. 3. Београд.
- Vasmer. Slaven — Vasmer M. Die Slaven in Griechenland. «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Phil.-hist. Klasse, Nr. 12, Berlin, 1941.
- Vážný — Vážný V. Z mezislovanského jazykového zeměpisu. Praha, 1948.